

страстность, религиозная радость. Урок, который Алеша выносит из общения с Дмитрием, состоит в признании такой формы радости неполноценной, не имеющей подлинного основания. Только причастие "низшей", "карамазовской" радости, точнее, выявление ее полноты в себе, должно помочь Алеше придать своей религиозной радости подлинную глубину и подлинное содержание. Отметим, что позже именно такое парадоксальное понимание *подлинной* любви к Богу развивал Лев Карсавин. Он утверждал, что такая любовь возможна только как аспект *полной* любви, в которую обязательно должна входить эротическая любовь к другому человеку¹⁰.

Итак, от Дмитрия Алеша принимает идею радости, осознает необходимость раскрепостить всю полноту жизни, дремлющей в нем. Но достаточно ли этого, чтобы прийти к окончательному, зрелому и цельному состоянию? Безусловно, нет. Неполноценность одной "низшей" радости, "сладострастия", не просветленного радостью высшего порядка, наглядно демонстрирует в романе Федор Павлович Карамазов.

По контрасту с образом своего отца Иван несет идею "высшей" радости, подлинной религиозной веры, смысл которой он высказывает в своей поэме о Великом инквизиторе. Не повторяя все детали нашего анализа образа Ивана и его поэмы, воспроизведем самое главное: в вере Ивана, имеющей все те же гностические корни, каждая человеческая личность бессмертна и несет в себе божественное начало. В силу этого не "внешний" Бог, а сам человек, раскрывая в себе божественное начало, делая усилия по раскрытию в каждый момент жизни высшую полноту и цельность своего бытия, определяет, каким будет его посмертное существование, в каком – более совершенном или более абсурдном – мире он будет существовать после смерти. Именно эту идею, идею *онтологической* свободы человека, несет Иисус Христос из поэмы Ивана, и именно эту идею Иван противопоставляет историческому христианству, которое олицетворяет Великий инквизитор.

Главным пунктом веры Ивана является указанная способность переживать высшую полноту и цельность жизни, что означает для человека достижение наивысшего совершенства, раскрытие божественного измерения своего существования. Это то самое состояние, которое испытывает Кириллов. Вот как он описывает его Шатову: «Есть секунды, их всего зараз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг говорите: да, это правда. Бог, когда мир создавал, то в конце каждого дня создания говорил: "Да, это правда, это хорошо". Это... это не умиление, а только так, *радость*» (10; 450; курсив мой. – И.Е.). Помимо этих "пяти секунд" Кириллов *постоянно* ощущает свою неразрывную связь с миром и потенциальную гармонию мира, поэтому он утверждает, что "все хороши", и "молится" (т.е. переживает подлинно религиозное чувство), глядя на ползущего паука и падающий с дерева лист.

В контексте нашей темы особенно важно, что *точно такое же* религиозное восприятие мира характерно для старца Зосимы. Сначала об этом говорит его рано умерший брат: "...жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотели узнать, завтра же и стал бы на всем свете рай" (14; 262). Зосима принимает это мироощущение от своего брата и буквально повторяет те же слова сразу после начала новой, святой жизни: "...посмотрите кругом на дары божии: небо ясное, воздух чистый, травка нежная, птички, природа прекрасная и безгрешная, а мы, только мы одни безбожные и глупые не понимаем, что жизнь есть рай, ибо стоит только нам захотеть понять, и тотчас же он настанет во всей красоте своей, обнимемся мы и запла-

¹⁰ "Наша любовь, любимая любовь единосущных, указывает нам путь к постижению Бога-Любви, Любви совершенной в себе. Тот, кто не нашел избранницы своей, кто любви не познал, не познает и Бога. Тот, кто отверг горделиво земную любовь, не проникнет и в тайную жизнь Божества" (Карсавин Л.П. *Noctes Petropolitanae* // Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб., 1994. С. 165).